

И. Г. Гаман

РЕЦЕНЗИЯ
НА ТРАКТАТ И. КАНТА
«КРИТИКА
ЧИСТОГО РАЗУМА»¹

«Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться всё. Религия на основе своей святости и законодательство на основе его величия хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым исследованием»². С правом на искреннее уважение и рецензент возмущает о предстоящей ему работе с тем, чтобы своей небольшой рецензией на анонсируемый труд хотя бы чуть-чуть подвинуть к его свободному и открытому исследованию тех читателей, кои доросли до него и кои слышат зов к критическому мышлению как со стороны вкуса, так и досуга.

Лейбниц интеллектуализировал явления, Локк сенсифицировал понятия рассудка³, а чистый разум ассимилировал явления и понятия, начала всего нашего познания, подчинив их некоему трансцендентальному «Нечто = X, о коем мы вообще не только ничего не знаем, но и знать не можем до того, как это Нечто не будет отделено от чувственных данных»⁴. Познание, кое занимается не самими предметами, а априорными поняти-

¹ Рецензия Гамана — это сложное переплетение «центов» на основе многочисленных мест из трактата Канта «Критика чистого разума». В этой связи для облегчения прочтения рецензии в примечаниях с пометкой (сравните) приводятся те цитаты из текста Канта, которые используются Гаманом для создания иронического типа авторской эмоциональности для метакритики «Критики чистого разума». Текст Канта с указанием страниц после цитат воспроизводится по: *Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. Юбилейное издание 1794–1994 / под ред. А.В. Гульги. М., 1994. Т. 3.*

² См.: примечание Канта в предисловии к первому изданию «Критики чистого разума» (с. 11).

³ Ср.: «Одним словом, Лейбниц интеллектуализировал явления, подобно тому как Локк согласно своей системе *ноогоний* (если можно так выразиться) *сенсифицировал* все рассудочные понятия, считая их лишь эмпирическими или отвлеченными рефлексивными понятиями» (с. 255).

⁴ Ср. с текстом из первого издания «Критики чистого разума», не вошедшим во второе издание: «Все наши представления рассудок действительно относит к какому-нибудь объекту, и так как явления суть не что иное, как представления, то рассудок относит их к некоторому нечто как предмету чувственного созерцания. Но это нечто есть в таком смысле лишь трансцендентальный объект. Он обозначает лишь нечто = x, о котором мы ничего не знаем и вообще ничего знать не можем (по теперешнему устройству нашего рассудка)» (с. 644).

ями предметов, называется трансцендентальным⁵, в то время как критика чистого разума есть завершенная идея некоей трансцендентальной философии. Под этим новым именем вся устаревшая метафизика превращается вдруг благодаря чистому разуму из двухтысячелетнего «поля битвы бесконечных споров»⁶ в системно организованный инвентарь всех наших владений и стремится вознестись на крыльях довольно абстрактной генеалогии и геральдики к монаршему величию в надежде, достойной Олимпа, что сможет «как единственная из всех наук довести до конца великое и важное дело, причем за короткое время»⁷, не прибегая к волшебству и магическим талисманам, как говорит мудрый Гельвеций; и все это только из принципов, кои святее, чем религия, и величавее, чем законодательство. Но все же решающее условие возможности или невозможности какой-либо чистой метафизики все еще зависит от всеобъемлющего и неисчерпаемого вопроса: что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта?⁸ Чего я могу достигнуть посредством разума, если я не прибегаю к помощи опыта и к его данным?⁹ Обладает ли человек способностью познания, независимой от всякого опыта? Есть ли формы, независимые от всякой материи? В чем формальное различие понятий *a priori* и *a posteriori*? Есть, по всей видимости, сокрытая тайна в *differentia specifica*¹⁰ аналитических и синтетических суждений, коя не пришла в голову никому из древних? Чем являются *prius* и *posterius*, анализ и синтез — не естественными ли *correlata*, или все же случайными *orposita*, оставаясь при этом, однако, укорененными в восприимчивости, коя переводит субъект в предикат, и в спонтанности наших понятий?¹¹ Не являются ли *ideae matrices*¹² и *ideae innatae*¹³ детьми какого-то духа? Произрастают ли чувственность и рассудок как два ствола человеческого познания из одного общего, но неизвестного нам корня, так что посредством чувственности предметы нам

⁵ Ср.: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» (с. 56).

⁶ Ср.: «Поле битвы этих бесконечных споров называется метафизикой» (с. 9).

⁷ Ср.: «Мне представляется, что читателю должно казаться довольно заманчивым соединить свои усилия с усилиями автора, если он намерен целиком и неуклонно довести до конца великое и важное дело по предначертанному плану. Метафизика, выраженная в понятиях, которые мы здесь дадим, — единственная из всех наук, имеющая право рассчитывать за короткое время при незначительных, но объединенных усилиях достигнуть такого успеха, что потомству останется только все согласовать со своими целями на дидактический манер без малейшего расширения содержания» (с. 16).

⁸ Ср.: «...основной вопрос состоит в том, что и насколько может быть познано рассудком и разумом независимо от всякого опыта, а не в том, как возможна сама способность мышления» (с. 14).

⁹ Ср.: «Но здесь возникает вопрос, чего я могу достигнуть посредством разума, если я не прибегаю к помощи опыта и к его данным» (с. 13).

¹⁰ Лат. — специфическое отличие.

¹¹ Ср.: «Только чистые созерцания или чистые понятия могут быть априорными, эмпирические же могут быть только апостериорными.

Восприимчивость нашей души, [то есть] способность ее получать представления, поскольку она каким-то образом подвергается воздействию, мы будем называть чувственностью; рассудок же есть способность самостоятельно производить представления, то есть *спонтанность* познания» (с. 90).

¹² Лат. — формообразующие идеи.

¹³ Лат. — врожденные идеи.

даются, а рассудком они мыслятся¹⁴ (понимаются и постигаются)? Но для чего такое насильственное, неправомочное разделение того, что природа соединила вместе? Не изойдут ли два этих ствола посредством этой дихотомии, или распри, из их общего трансцендентального корня и не засохнут ли от этого?

Итак, опыт и материя суть общее, посредством отделения от коего должно найти искомую чистоту, а форма, остающаяся в остатке в собственности и владении способности разума есть девственная земля, коя станет основой будущей системы чистого (спекулятивного) разума под именем — метафизика природы. И данная критика есть лишь пропедевтика этой метафизики. Но поелику все содержание должно быть в конечном счете не чем иным, как формой без содержания, то не было еще на свете ничего более отличного от всего остального, чем эта форма, содеянная схоластическим искусством, и ничего более чистого в своем схематизме, чем этот синтез силлогистической аподиктической треноги. По мерке определяемого и его определения¹⁵ эти оба суть основные части некоего учения о началах и учения о методе. Пространство и время как чистые формы чувственности *ab extra sicut ab intra*¹⁶, соответственно, их эмпирическая реальность и трансцендентальная идеальность, изображенные в первой части учения о началах под именем «Трансцендентальная эстетика», истолкованы настолько достоверно и несомненно, «как этого следует требовать от всякой теории, которая должна служить органом»¹⁷. Трансцендентальная логика как всеобщая распадается на аналитику и диалектику, с той лишь разницей между ними, что аналитика с ее категориями и амфиболиями некой новой топики предлагается в качестве скромного синонима всеобщей онтологии. Поелику, однако, формальная чистота без содержания и предмета неизбежно и «не по своей вине»¹⁸ вырождается в видимость святости, то и трансцендентальная диалектика предназначена, собственно, для того, чтобы этот непознанный и неизлечимый наследственный порок¹⁹ преобразить в истинную непорочность чистого разума, а именно — в его паралогизмы ввиду психологического Я и его антиномии ввиду всех космологических идей *per thesin et antithesin*²⁰, подобно великой войне в одной

¹⁴ Ср.: «...кажется необходимым указать лишь на то, что существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно *чувственность* и *рассудок*: посредством чувственности предметы нам *даются*, рассудком же они *мыслятся*» (с. 59).

¹⁵ Ср.: «Отношения, однако, в которых понятия могут находиться друг к другу при том или ином состоянии души, суть отношения тождества и различия, согласия и противоречия, внутреннего и внешнего, наконец, определяемого и определения (материя и форма)» (с. 249).

¹⁶ Лат. — как извне, так и изнутри.

¹⁷ Ср.: «Вторая важная задача нашей трансцендентальной эстетики состоит в том, чтобы не только как правдоподобная гипотеза приобрести некоторую благосклонность, но и быть настолько достоверной и несомненной, как этого следует требовать от всякой теории, которая должна служить органом» (с. 82).

¹⁸ Ср.: «В такое затруднение разум попадает не по своей вине» (с. 9).

¹⁹ Ср.: «Замечательно, однако, что трансцендентальный паралогизм создает только одностороннюю видимость в отношении идеи о субъекте нашего мышления, а для утверждения противоположного нельзя исходя из понятий разума найти какую-либо видимость. Все преимущества здесь на стороне пневматизма, хотя он и не может отделаться от наследственного порока, в силу которого он разлетается, как дым, под огнем критики, несмотря на благоприятствующую ему видимость» (с. 323).

²⁰ Лат. и греч. — посредством тезиса и антитезиса.

старой церковной песне, в коей поется, как одна смерть поглотила другую²¹. После этого самовозвеличения и эвтаназии²² чистый разум наконец-то добирается до идеала своего мистического единства, коий есть регулятивный принцип всего конститутивного схематизма и эстетического строения. Заключение учения о началах (с. 631–704)²³ представляет собой превосходную, *con amore*²⁴ разработанную критику всякой спекулятивной теологии, хотя при этом остроумные размышления о Платоне²⁵ (с. 314) вполне применимы по отношению к самому законодателю и судии чистого разума.

Трансцендентальное учение о методе определяет формальные условия для полной системы чистого разума, содержит суждения о его дисциплине, и развертывание этого учения проявляет примечательный параллелизм с паулинистской теорией дисциплины закона с ее каноном и архитектуроникой, а в конечном счете, с ее историей в трех отношениях:

1) в отношении предмета познания, где Эпикур представляет собой главу сенсуалистов, а Платон — главу интеллектуалистов; 2) в отношении происхождения разумного познания, где Аристотель может считаться главой эмпириков, а Платон — главой ноологистов; 3) в отношении метода. Натуралистический метод есть чистая мисология²⁶, сведенная до исходных принципов, и поэтому впадает в бессмысленный вздор, хвастаясь тем, что пренебрежение всеми искусственными средствами и есть ее собственный метод. Научный метод не может не быть основан на системном подходе. Среди догматиков Христиан Вольф, а среди скептиков Давид Юм суть *velut inter ignes Luna minores*²⁷. Только критический путь оставался еще откры-

²¹ Гаман приводит слова из Пасхальной песни Лютера «Христос был в оковах смерти»:

Была великая война,
В ней смерть и жизнь сражались,
И смерть была побеждена,
Пророчества сбывались [1 Кор. 15, 54].
Ведь смертью смерть поглощена,
Христовым Воскресеньем
Рать адская посрамлена:
Облекся Сын в нетление. (Пер. с нем. — автора.)

²² Ср.: «Правда, это не позволяет разуму убаюкивать себя воображаемой уверенностью, вызываемой односторонней видимостью, но в то же время вводит его в искушение или предаться безнадежному скептицизму, или усвоить догматическое упрямство и упорно защищать определенные утверждения, не прислушиваясь к доводам противников и не воздавая им справедливости. И то и другое означает смерть здоровой философии, хотя первый случай все же можно было бы назвать *эвтаназией* чистого разума» (с. 324).

²³ Гаман указывает страницы первого издания «Критики чистого разума», с предпечатными гранками которого он ознакомился накануне выхода трактата Канта в свет.

²⁴ Итал. — с любовью.

²⁵ «Он (Платон. — В. Г.) распространял, правда, свои понятия [идеи] также на спекулятивные знания, если только они были чисты и априорны, и даже на математику, хотя она имеет свои объекты лишь в возможном опыте. В этом отношении я не могу следовать за ним, точно так же, как не могу согласиться с его мистической дедукцией идей и с преувеличениями, которые привели его как бы к гипостазированию идей» (с. 284).

²⁶ От греч. *misos* — ненависть; соответственно мисология = ненависть к науке.

²⁷ Гаман использует строчку из латинского подлинника оды «К Клио» 1-й книги «Од» Горация: «Как в кругу созвездий / Царственный месяц» (пер. с лат. Н. Гинцбург). См.: *Квинт Гораций Флакк // Вергилий. Гораций. М., 2005. С. 442.*

тым. Но и эта новая тропинка кажется столь же неудобной для превращения в столбовую дорогу, как и танцевальная дорожка для превращения в тропинку²⁸.

Правда, этот индифферентизм²⁹, какой «есть не результат легкомыслия, а зрелой способности суждения нашего века»³⁰, выдает себя за критический. Поскольку, однако, «напрасно было бы притворяться равнодушным к таким исследованиям, предмет которых не может быть безразличным человеческой природе»³¹, то он или есть непреднамеренная иллюзия глубоко спрятанного лицемерия, или же относится к явлениям *funesto veterno*³² всей мировой эпохи. Поэтому данный индифферентизм более точно мог бы называться гипокритическим или же политическим, находясь в кажущемся противоречии как со скептической анархией, каковая в отчаянии от хаоса своего метода впадет скорей всего в состояние ленивого разума³³, так и с догматическим деспотизмом, коий из-за *устера протера*³⁴ или (если мне будет дозволен один верхненемецкий цинизм) из-за того, что берется за дело со стороны зад--цы, оружием света³⁵ распространяет царство тьмы и варварства.

Если следовать мнению аббата Террассона³⁶, собирающегося оценивать эстетическую длину трансцендентальных сочинений не *ab extra*, но *ab intra*³⁷, то счастье любого писателя состоит в следующем: «быть известным

²⁸ Ср.: «Открытым остается только критический путь. Если читатель благосклонно и терпеливо прошел этот путь в моем обществе, то он может теперь судить, нельзя ли... превратить эту тропинку в столбовую дорогу...» (с. 622).

²⁹ Ср.: «Ведь и так называемые *индифферентисты*, как бы они ни пытались сделать себя неузнаваемыми при помощи превращения ученого языка в общедоступный, как только они начинают мыслить, неизбежно возвращаются к метафизическим положениям, к которым они на словах выражают столь глубокое презрение» (с. 11).

³⁰ Ср.: «Совершенно очевидно, что это безразличие есть результат не легкомыслия, а зрелой способности суждения нашего века» (с. 11).

³¹ Ср.: «В самом деле, напрасно было бы притворяться равнодушным к таким исследованиям, предмет которых не может быть безразличным человеческой природе» (с. 11).

³² Лат. — губительной спячки. Гаман заимствует это словосочетание из Послания Горация к Цельсу Альбиновану: «С верными ссорюсь врачами, всегда на дружей раздражаюсь, / Если стремятся меня излечить от губительной спячки» (пер. с лат. Н. Гинцбурга). См.: *Квинт Гораций Флакк*. Указ. соч. С. 724.

³³ Ср.: «Первая ошибка, возникшая из того, что идеей высшей сущности пользуются не только регулятивно, но и (что противно природе) конститутивно, — это ленивый разум (*ignava ratio*)» (с. 512).

³⁴ Древнегреч. — то, что позади, впереди. Ср. у Канта: «Вторая ошибка, возникающая из ложного толкования этого принципа систематического единства, есть ошибка извращенного разума (*perversa ratio, ustera протера rationis*)» (с. 514).

³⁵ См.: *Римлянам* 13, 12: Ночь прошла, а день приблизился: итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружие света.

³⁶ Ср.: «...аббат Террассон говорит: если измерять объем книги не числом листов, а временем, необходимым для того, чтобы ее понять, то о многих книгах можно было бы сказать, что они были бы значительно короче, если бы они не были так коротки» (с. 15). Кант цитирует отрывок из немецкого перевода книги французского философа Жана Террассона (1670—1750) «Об общем влиянии философии на предметы духа и нравов». См.: *Des Abtes Terrassons Philosophie nach ihrem allgemeinen Einflusse auf alle Gegenstände des Geistes und der Sitten. Aus dem Französischen verdeutschet. Mit einer Vorrede versehen. Von Johann Christoph Gottsched. Leipzig, 1756. S. 117.*

³⁷ Лат. — снаружи, а не изнутри.

всем, но похвалу снискать у некоторых». Рецензент хочет добавить к этому: «максимум подлинного авторского искусства и всякой критики в том, чтобы быть известным всем, похвалу снискать у некоторых, а быть понятым лишь очень и очень немногими».

O QUANTUM EST IN REBUS INANE!³⁸
SUNT LACRUMAE RERUM³⁹

4 июля 1781 г.

Иоганн Георг Гаман

Перевод с нем. В. Х. Гильманова

³⁸ Лат. — О, сколько на свете пустого! Гаман цитирует строчку из Сатиры 1, 1 римского поэта Персия Флакка. См. в кн.: *Римская сатира*. М., 1989. С. 98.

³⁹ Лат. — Слезы — в природе вещей. Гаман цитирует строчку из поэмы Вергилия «Энеида» I, 462 (здесь в переводе С. Ошерова). См.: *Вергилий. Энеида* // Вергилий. Гораций. М.: АСТ, 2005. С. 169. Эту цитату, заключающую текст Гамана, следует понимать в смысле — хоть плачь от этого.